

Новая Польша 2/2010

0: ТЕАТР В ТЮРЬМЕ

Архипелаг «Интурист»

Время верифицировало все свидетельства того времени из СССР, разделив авторов на наблюдательных и наивных, правдивых и лгунов. Сегодня мы знаем уже больше, чем эти авторы. Но вместе с тем, в определенном смысле, знаем меньше. И при чтении данных текстов предстает два слоя: бытовая, политическая и хозяйственная хроника и психологический портрет самого автора. Открывается и нечто третье — тоталитарный Режиссер, разрабатывающий мизансцены и стремящийся невидимо направлять перо репортера.

Публикации, о которых пойдет речь, тематически подразделяются на три группы: «туристическую» литературу, воспоминания людей, работавших в СССР, и тюремные хроники. Суммарно книг об СССР в межвоенной Польше опубликовано добрых полсотни. Воспоминания и репортажи, подписанные иногда известными, а иногда совершенно неизвестными именами, объединяет одно — стремление на основе собственных наблюдений найти ответ на вопрос: что происходит в новой России и что думают ее жители? Эти свидетельства, несомненно, были для своего времени важным источником информации. Понятно, что объективные сведения можно было отыскать в большом числе статистических данных и в выдающихся политологических работах, таких, например, как «Ленин как экономист» Станислава Свяневича или «На красном Олимпе» Станислава Сроковского. О повседневной жизни можно было узнать из широко переводившейся советской художественной литературы. Трудно переоценить значение богатой политической хроники в периодике, публицистике, а в особенности в специализированных журналах, таких «Пшеглэнд вспулчесный» («Современное обозрение»), «Пшеглэнд всходний» («Восточное обозрение») или «Ориент». Вместе с тем легко заметить особый спрос на информацию «из первых рук», пусть не слишком глубокую или фрагментарную, лишь бы она производила впечатление искренности. С этой точки зрения межвоенное двадцатилетие можно считать возрастом невинности репортажа — именно с учетом доверия, с которым читатель относился к наблюдениям, представленным от первого лица. Предпосылки скрытого в этом наивном восприятии кризиса были еще неразличимы. Мало кто подозревал, насколько далеко может заходить лживость репортера-пропагандиста. Степень морального злоупотребления словом «я» в репортаже польский читатель сумел осознать, лишь испытав отечественный сталинизм.

Само количество названий польских довоенных изданий свидетельствует о подлинном «общественном договоре». Можно также говорить о многократно выраженном авторами (например, 5, 12, 13, 9)